

тивника: ожидание, что в любой момент может бабахнуть, кого угодно выведет из равновесия. На это мы и рассчитывали. А утром уже «заступали на дежурство» истребители.

Полк менял места дислокации, жильё у нас, как правило, было временным — землянки. Но чаще мы спали прямо под самолетами на земле. Зимой нас грели летные комбинезоны из медвежьей шерсти. Даже 40-градусный мороз не ощущался.

Как-то получила эскадрилья задание — бомбить аэродром. Распарывая ночную тьму, ДБ-3 поднялись в воздух. Местность летчики знали. Подходить близко рискованно — сильна противовоздушная оборона. На шум моторов откликнулся один немецкий прожектор. Развернув машины, пошли на цель. И вдруг сноп лучей, ударили вражеские зенитки. Воздушные бойцы все же сбросили бомбы точно в цель. В ту ночь все прошло благополучно, все вернулись домой.

— А знаменитый летчик Николай Гастелло тоже был ночным бомбардировщиком?

— Да. О нем ходили легенды, его мечтали увидеть и пожать ему руку. Однажды днем над аэродромом появился немецкий самолет. Выпустив шасси, будто собираясь сесть, он пронесся на малой высоте и обстрелял машины, затем зашел еще на круг. Гастелло, угадав замысел фрица, побежал к ближайшему самолету и ударил по нему из пулемета с турельной установки. Тот плюхнулся на землю, экипаж катапультировался и «тепленьким» был взят в плен. Когда немецкий ас в чине подполковника узнал, что его сбили пулеметным огнем с самолета, стоящего на земле, сказал: «Такого не может быть».

Полк, в котором служил Александр Васильевич, сформировался 22 июня 1938 года в Курске. На его счету — 8540 боевых вылетов, 37 раз полк менял место дислокации, 9 тысяч бомб было сброшено на вражеские объекты, 13 героев Советского Союза, 876 авиаторов награждены орденами и медалями. На груди у старого фронтовика — 21 награда. Александр Васильевич получил 12 благодарностей от Верховного Главнокомандования. На его счету — контузия, три ранения. До сих пор в груди — военный «трофей» — осколок.

Возвратившись в родной город, Александр Васильевич закончил техникум, два института. Работал начальником отдела кадров на КЗТЗ, начальником отдела стандартизации, главным метрологом, вел профсоюзную работу области на общественных началах. Сейчас он — на заслуженном отдыхе. Вот такие прекрасные и непростые его 80 лет.

Городские известия, 2005г., 5 мая.

И. Зарецкий

Брат

«Я вернусь!» — сказал он плачущей матери, худенькой, невысокой, едва достающей ему до плеча. Как же рано она постарела от всех бед и несчастий, свалившихся на их головы! Война грубо перечеркнула их только — только начавшую налаживаться жизнь. Виталий с успехом закончил восемь классов и собирался учиться дальше. Мать не могла нарадоваться на сына: высокий, крепкий — весь в отца, а характером в нее — кроткий, покладистый... Он давно уже стал первым помощником в доме.

Отец их был председателем колхоза, мотался на своей двуколке по полям или «заседал» в правлении. Возвращался домой поздно и часто под хмельком, так что все большое хозяйство было на их плечах. Когда грянула война, всех мужиков мобилизовали на фронт. Ушел и Григорий Степаныч. И как в воду канул — ни одного письма.

Вскоре наступили черные времена — деревню на два года оккупировали фашисты. Немцы установили свой «порядок», жителей выгоняли из домов, все лучшее отбирали «для нужд армии». Особо в этом деле расстарались полицаи из местных жителей. Пришлось перебраться в сарай и Виталию с матерью — в дом вселился офицер связи, и у крыльца появился часовой.

Потянулось унылое полуголодное существование. Малейшая попытка приблизиться к собственному дому пресекалась грубым окриком часового:

— Ком цурюк, швайн!

В бессильной ярости сжимал тогда Виталий кулаки, в душе закипала ненависть к захватчикам. Начал зреть план мести: оглушить часового колуном, припрятанным в укромном местечке, завладеть оружием, пристрелить вечно орущего пучеглазого офицера и его наглого рыжего адъютанта, захватить их толстый портфель из желтой кожи с ценными бумагами и уйти к партизанам. Но этому плану мешали осуществиться два обстоятельства. Он не знал, где искать этих самых партизан — больших лесов в их краях не было, до большого массива — километров двадцать, не меньше. Но главное — мать его немцы наверняка не пощадят, как не щадили тех, кто оказывал хоть малейшее сопротивление или был близким родственником «бандита». Вот